

мизм отвергает демократические ценности. Экстремисты являются противниками существующей системы в целом и выступают за установление диктатуры, популисты являются оппонентами истеблишмента и поддерживают прямую демократию и формирование государства «закона и порядка». Следовательно, *радикализм* также нельзя считать идеологическим компонентом популизма [4, с. 67–69].

Таким образом, идейную основу популизма формируют составные части различных идеологических течений, выбор в пользу которых продиктован ситуативными условиями. Возможность комбинаций элементов тех или иных доктрин важно учитывать при концептуализации феномена популизма, не забывая о его содержательном (идеология) и техническом (стиль и риторика) аспектах.

Литература

1. Decker, F. “Die Alternative für Deutschland” aus der vergleichenden Sicht der Parteienforschung / F. Decker // Die Alternative für Deutschland. Programmatik, Entwicklung und politische Verordnung / Springer VS; Hrsg. A. Häusler. – Wiesbaden, 2016 – S. 7–24.
2. Holtmann E. Die Droge Populismus. Zur Kritik des politischen Vorurteils / E. Holtmann, A. Krappidel, S. Rehse. – VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. – 178 S.
3. Priester, K. Definitionen und Typologien des Populismus / K. Priester // Soziale Welt. – 2011. – 62. Jahrg., H. 2. – S.185 – 198.
4. Rensmann, L. Populismus als Ideologie / L. Rensmann // Populismus. Gefahr für die Demokratie oder nützliches Korrektiv? / VS Verlag für Sozialwissenschaften; Hrsg. F. Decker. – Wiesbaden, 2006. – S. 59 –80.
5. Spier, T. Modernisierungsverlierer? Die Wählerschaft populistischer Parteien in Westeuropa / T. Spier. – Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. – 302 S.

Региональные факторы влияния в Нагорно-Карабахском конфликте

*Демьянович Ю. Э., магистрант БГУ,
науч. рук. Селиванов А. В., канд. ист. наук*

Нагорно-Карабахский конфликт является одним из вялотекущих конфликтов на постсоветском пространстве. В основе данного конфликта лежит нежелание Нагорного Карабаха, заселенного преимущественно армянами, находиться в составе Азербайджана. На первый взгляд, причиной сложившейся ситуации послужили цивилизационные отличия между армянами и

азербайджанцами. Данное объяснение конфликта виделось настолько очевидным и удобным, что Сэмюэль Хантингтон, отмечая действия Турции в поддержку Азербайджана, использовал Нагорно-Карабахский конфликт в своей теории «столкновение цивилизации» в качестве примера «синдрома братских стран» [1].

В то же время Томас де Ваал в своей книге «Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной» указывал, что трактовка Нагорно-Карабахского конфликта как конфликта, базирующегося на религиозных, этнических и культурных различиях, является весьма популярной и активно используемой всеми сторонами конфликта [2].

Итогом популярности подобного дискурса становится то, что культурные, этнические, религиозные различия и общность стали рассматриваться как основные региональные факторы влияния в Нагорно-Карабахском конфликте, что является не совсем корректным, если рассматривать современное состояние конфликта. Учитывая эти обстоятельства, данная статья стремится показать другие, более важные региональные факторы.

В частности, Турция, являясь основным союзником Азербайджана и подчеркивая общность языка, культуры, религии, целей, в 2008 году попыталась нормализовать отношения с Арменией в обход Азербайджана. Между Арменией и Турцией были подписаны два протокола, ставившие целью установление дипломатических отношений и открытие границ. Азербайджан расценил действие Турции как предательство [3; 4].

С его стороны последовали угрозы прекратить поставки газа в Турцию, а также заморозить все действующие газовые соглашения, что болезненно бы ударило по планам Турции стать региональным энергетическим игроком. В итоге, вызванные Азербайджаном опасения заставили турецкое правительство потребовать от Армении уступок по Нагорно-Карабахскому вопросу как обязательное условие ратификации договоров. На это Армения пойти не смогла – и договоры не прошли ратификацию ни в одной из стран [3; 4].

После отказа от ратификации произошло расширение азербайджано-турецких отношений: был создан Совет стратегического сотрудничества между Турцией и Азербайджаном. В первого заседания страны подписали 15 документов. Наиболее важными из них является соглашение, касающееся эксплуатации, разработки месторождения Шах-Дениз II, а также продажи природного газа, добытого в данном месторождении. В частности, с 2017 по 2042 гг. планируется, что транзит газа с данного месторождения будет протекать по территории Турции через трубопроводную сеть, принадлежащую турецким компаниям. Все это дает возможность Турции стать важным региональным энергетическим игроком [5; 6].

Таким образом, несмотря на культурную и историческую близость, энергетический фактор на данный момент времени все же является главным в

отношениях Турции и Азербайджана и именно он является средством давления Азербайджана на Турцию.

При рассмотрении отношений Азербайджана и Ирана следует отметить, что эти страны также подчеркивают свою культурную общность, однако Иран является стратегическим союзником Армении, а не Азербайджана.

Иран не заинтересован в усилении Азербайджана, поскольку видит в нем угрозу своей территориальной целостности. Северо-восточная часть Ирана заселена 25-миллионным азербайджанским, по своей этнической принадлежности, населением. Из-за этого факта, Иран опасается возникновения сепаратистских настроений и отказывается от поддержки Азербайджана по вопросу Нагорного Карабаха, поскольку рассматривает Армению как буфер между собой и Азербайджаном [7; 8].

Еще одним важным вопросом, осложняющие отношения между двумя странами, является статус Каспийского моря. В частности, Азербайджан выступает с предложением признать за Каспийским морем статус моря и наделить каждую из стран своими территориальными водами. Иран выступает против этого предложения. Стоит отметить, что вопрос статуса Каспийского моря является важной точкой столкновения между Ираном и Азербайджаном, поскольку Каспийское море является как местом добычи энергоресурсов, так и отправной точкой их транспортировки[8].

Таким образом, на современном этапе протекания Нагорно-Карабахского конфликта наиболее важными региональными факторами влияния являются не культурные, религиозные, этнические общность и различия, а экономические, энергетические, стратегические интересы стран.

Литература

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций?/ С. Хантингтон // Экологический постмодерн [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <https://ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/clash-civilization/>. – Дата доступа : 28.03.2017.
2. Де Ваал, Т. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / Т. де Ваал // Кавказский узел [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : https://www.kavkaz-uzel.eu/system/uploads/attachment_data/file/0002/24358/Chernyy_sad_Armeniya_i_Azerbaydzhan_mezhdu_miro_m_voynoy.pdf. – Дата доступа : 28.03.2017.
3. Викин Шеретян. Провал примирения Турции и Армении / В. Шеретян // Информационное агентство ИноСМИ [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://inosmi.ru/caucasus/20120130/184356517.html>. – Дата доступа : 28.03.2017.
4. Eladar Mamedov. Turkish-Azerbaijani relations: reality check / Eladar Mamedov // European dialogue [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access доступа : <http://eurodialogue.eu/Turkish-Azerbaijani-relations-reality-check>. – Date of access : 10.03.2017.

5. Bulent Aras. Turkish-Azerbaijani energy relations / Bulent Aras // Global Turkey in Europe [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access : http://research.sabanciuniv.edu/24598/1/GTE_PB_15-1.pdf. – Date of access : 10.03.2017.

6. Agreement on the exploration, development and production sharing for the Shah Deniz Prospective in the Azerbaijan sector of the Caspian // BP in Azerbaijan. Legal agreements [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access : http://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_az/pdf/legalagreements/PSAs/SD-PSA.pdf. – Date of access : 10.03.2017.

7. Ezgisu Biber. The Roles of Iran and Turkey in the Nagorno Karabakh Conflict / Ezgisu Biber // School for advanced International studies of Johns Hopkins University [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access : https://www.sais-jhu.edu/sites/default/files/CM%20Field%20Trip%20NK%20March%2029%20Final_1.pdf. – Date of access : 10.03.2017.

8. Orhan Gafarli. The Role of Global and Regional Actors in the South Caucasus / Orhan Gafarli // Caucasus Edition [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access : http://caucasusedition.net/analysis/3581/#_Toc452716277. – Date of access : 10.03.2017.

Международные аспекты энергетической политики Республики Корея

*Держанович А. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Малевич Ю. И., д-р полит. наук, проф.*

При реализации энергетической политики Республика Корея (РК) сегодня сталкивается с одной из наиболее тяжелых дилемм энергетической безопасности, представляющей собой тройную комбинацию угроз. Во-первых, РК испытывает острую нехватку углеводородного сырья, необходимого для функционирования быстрорастущей и энергоемкой экономики (зависимость от импорта первичных энергоносителей составляет 97%). Во-вторых, в наибольшей степени Южная Корея зависит от поставок нефти и природного газа, что определяет уязвимость энергосистемы страны. Наконец, 84% импорта сырой нефти и свыше 53% импорта СПГ в РК поступает из одного региона – Ближнего Востока [3]. Можно констатировать, что сложность энергетической ситуации в РК определяет то значение, которое придается энергетическому фактору во внешнеполитической стратегии.

В основе энергетической политики Южной Кореи лежит курс на диверсификацию источников топлива. Начиная с 1970-1980-х гг. дипломатия Сеула полностью сосредотачивается на ближневосточном регионе; остается магистральным данное направление и в XXI в. Однако с приходом к власти администрации Ли Мен Бака и возведением энергетической безопасности